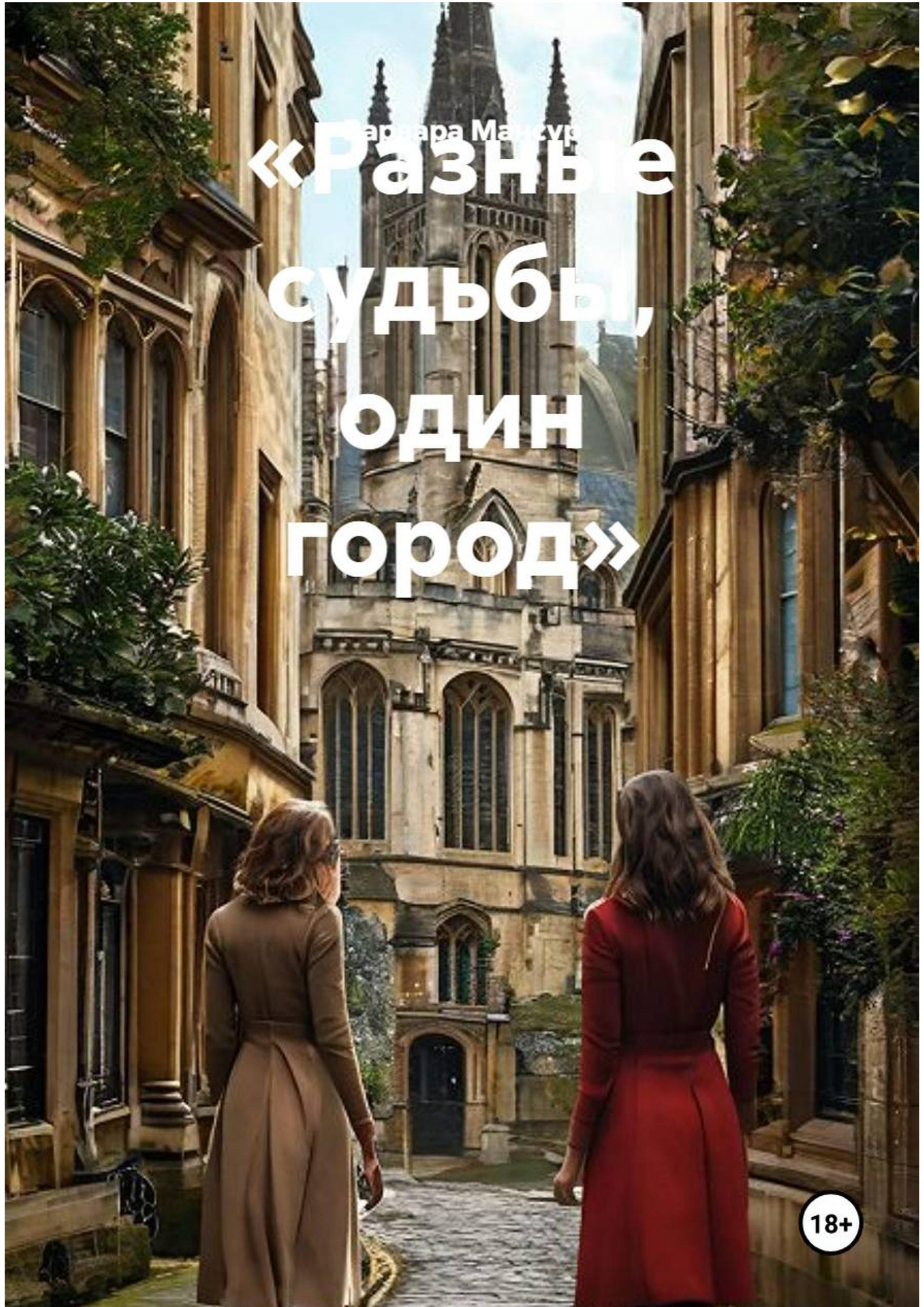

Анна Массур

«Разные судьбы, один город»

18+

Варвара Мансур

«Разные судьбы, один город»

«Автор»

2026

Мансур В.

«Разные судьбы, один город» / В. Мансур — «Автор», 2026

Какие разные судьбы бывают у двух подруг, живущих в Англии. обе учаться в Оксфорде, но у Лили она цветёт, а у Насти всё тускла. Кто знает, быть может она ещё выберется этой серой жизни.

© Мансур В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	13
Глава 5	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Варвара Мансур

«Разные судьбы, один город»

Глава 1

Огни субботней ночи стихли ещё рано поутру, и солнце своими холодными лучами смотрело в окно английского дома. Ходики всё ещё тикали, но говорили о пробуждении после долгого сна. Город просыпался. За окном шумели машины и слышались звуки сирен, кто-то ехал на работу, кто-то - домой. Белый снег падал ровно настолько, что дуй ветер, он бы все равно остался бы столбом. Было очень сыро. Снег падал и таял в теплых местах земли, что были видны черные лоскуты одеяла. На улице даже через окно можно было почувствовать это морось и холод до самых костей. Началось утро. Всё настолько было хмуро и сонно, что даже сам Лондон в январском утре полностью не просыпался — он будто неохотно приоткрывал один глаз и тут же морщился от сырости. Небо висело низко, серое, плотное, как промокшее одеяло, и свет был не дневным, а каким-то приглушённым, будто город экономил яркость. Было где-то середина января, шёл слабый снег. Анна сидела на белой простыни двуспальной кровати. Часы пробили девять утра. Женщина уже проснулась, но была на выходном. Она написала своему мужу, что рада такому хмурому сонному утру. Альфред улыбнулся смайликом. Она пошла делать себе утренний кофе. Выходной, утро, девять-десять утра. — Сегодня должна приехать дочка. Она ещё не звонила. Дайка я посмотрю её сообщения — подумала вслух женщина. Она взяла телефон, открыла и не нашла смс-сообщения от дочери:

— Нет не писала. Лили ещё не писала. Ладно, позже напишет, — Она отложила телефон на тумбочку. Альфред Тэтчер был на работе. Высокий зажиточный мужчина. Он был в браке с Анной уже двадцать четыре года, и вместе воспитали взрослую дочь, которой было двадцать два года. Красивая блондинка с серыми глазами, среднего роста, как и мама. Лили заканчивала колледж на архитектора. Лучшего в мире. Училась на пятом курсе Оксфорда. Зимой она только, начала второй семестр. Пока дочь училась в начале третьей недели мама её в это время вела хозяйство и порой ходила в ресторан одна. Анна Тэтчер, женщина средних лет, и маленького роста около ста шестидесяти сантиметров, с аристократичными манерами, что было принято в столице Великобритании, была женственная и неповторима. Анна вспоминала часто, как в университете её глаза и улыбка сводили с ума всех мужчин, но из всех красавчиков она выбрала джентльмена ростом сто девяносто сантиметров, королевской походкой и своей галантностью. Он был умён, смышлен и хитер. Мужчина с черными волосами и карими глазами привлёк внимание Анны ещё в университете. За молодой девушкой много парней бегали, но выбрала именно Альфреда. И это было двадцать с лишним лет назад... Анна всё это вспоминала, пока заваривала кофе на кухне сейчас – субботним утром. А сейчас они уже столько прожили в Лондоне, купили хорошую квартиру, платят за образование дочери Лили. Да... столько всего. Вдруг. Дзынь. Анна посмотрела на телефон: поступило сообщение от Лили: «Уже еду. Ждите. Через три часа буду». Радость и волнение охватило Анну. Она быстро набрала Альфреда: — Милый, Лили скоро будет дома! — Неужели сейчас приедет моя любимая дочурка?! Я так рад, но увы я работаю! Я не смогу встретить её, к сожалению. Я вечером буду, ты же знаешь, — с еле видной грустью написал отец. — Вот в этом и проблема, она сейчас приедет, а тебя нет. Доча расстроится. Хотя, она ведь понимает, что ты работаешь постоянно, милый, — поддержала в письме Анна. Она оставила включённым телефон, отошла и начала готовить себе завтрак. Пожарив бекон с яйцами, Анна села за стол и начала завтракать. Опять пришло сообщение от дочери: «Уже еду. Села на поезд». Время: десять утра. — Надо подготовиться! — воскликнула Анна.

Женщина подрастала: «Сорок минут на быструю уборку, сорок на готовку. Значит успею к приезду. Еще даже останется время на себя». Она привычно поставила чайник, будто этот привычный жест мог вернуть ощущение порядка. Пока вода грелась, Анна прошлась по гостиной, подбирая забытые вещи: шарф, который Лили бросила в прошлый раз на спинку кресла, старую газету, чашку с едва заметным налётом на дне. Каждое движение было размеренным, почти механическим — так легче не думать. В кладовке нашёлся джем, тот самый, вишнёвый, который Лили любила в детстве. Анна достала его и на секунду задержала в руках: стекло было прохладным, а узор на баночке — знакомым до мелочей. Она улыбнулась этому тихому совпадению, как будто сама судьба подсказывала: «Всё будет нормально». Свою дочь мама знала от и до. Анна быстро убралась и приготовила дочери любимые пирожки с джемом — достала из холодильника, разморозила и разогрела в духовке. Пока еда грелась, Анна накрывала на стол — торопилась, будто каждое движение должно было сказать: «Я ждала, я рада, я всё помню». На белой льняной скатерти появились тарелки, тонкий фарфор, чашки с едва заметным голубым узором. В центре — блюдо с пирожками: золотистые, румяные, с той самой начинкой, которую Лили обожала с детства. Анна тихо улыбнулась, коснувшись края блюда: «С джемом — как она любит». Рядом стояла миска с нарезанным маслом, корзинка с тостами, джем в изящной стеклянной вазочке. На плите тихо побулькивал кофейник, а на столе уже ждал небольшой кувшин с молоком. Анна на секунду замерла, оглядывая стол, и поправила салфетку — будто пыталась этим жестом унять лёгкое волнение. В Англии в двенадцать часов бывает поразному: кто-то ещё завтракает, кто-то уже переходит к ланчу. Для Лили Анна решила сделать нечто среднее — уютный, щедрый завтрак, который мог бы плавно перетечь в лёгкий обед: пирожки, тосты, фрукты, немного сыра. Хотелось, чтобы всё было знакомо, спокойно, тепло — чтобы дочь, едва войдя, почувствовала: здесь её ждут. Как в детстве. Анна посмотрела на часы и тихо выдохнула: «Ещё чуть-чуть. Она скоро будет». Тихо не спеша мама оформила стол, поставила стулья и приготовилась к приезду дочери. Через пять минут — звонок в двери. Анна, поправ причёску и свой наряд, открыла дверь. На пороге стояла её любимая доченька — Лили. Она вернулась с учебной недели отдохнуть к родителям. — Лили, дочка, ты приехала. Заходи!» — радостно воскликнула Анна. И тут пробили часы на Биг Бэне: «Ровно двенадцать» — Да, мам, приехала к вам. А папа дома? — спросила спокойно Лили. — Папа работает сегодня. Его вызвали срочно», — с грустью ответила мама. — Давай проходи быстрее. Завтрак остынет». — поторопила её мама. Лили расстроилась, но понимая, что это работа, отпустила это чувство. Она разделась, сняла тёплую куртку, вязанный мамой шарф и шапку. Мама пошла столовую, Лили за ней. Она вымыла руки и села за стол завтракать. За завтраком мама спрашивала об учёбе, отношениях, о всех секретах, которые узнавала Лили. — Что нового узнала, дочка? — мама взяла вику и ножик, чтобы разрезать бекон. — Мам, да Света с параллели, представляешь, начала встречаться с Алексом, — Лили вилкой взяла бекон и наматывала её на зубчики. — С тем самым, что ты раньше встречалась? — Да! — смеялась Лили. — Сейчас я уже с другим замутила, мам. — Да?! С кем-же? — Тут уже мама с интересом спросила. Ведь они с дочерью были как две закадычные подружки, и у обоих не было секретов. — Да с Джеком, он с моего курса, новенький, — радостно ответила Лили, отпив глоток свежего чая. — Он только недавно пришёл к нам, с нового года. Так разговорились, да и пошло-поехало. — и пережевывая вкусную еду, продолжила. — Он явно уверен в себе, в компьютерах разбирается. И старше меня. Ну, чуть-чуть. Я думала его сегодня пригласить, но у него дела — вечно в работе». — Понимаю, доченька. Понимаю, — она медленно стучала ложкой по чашке негромко. — Мам, ты чего? Замечталась? — с волнением спросила Лили. — Я? Да так, задумалась, у вас романтика, первые отношения. Как мы с твоим папой, тоже так впервые познакомились — в университете, — а сама уже думала, что за парень достался её дочери? — Ты доедай, Лили, время уже. И пойдём в парк! — Если, ты не против, мама, он придет на следующие выходные, — предложила Лили.

— Да, нет, почему бы и нет. Я должна же знать, с кем встречается моя дочь. Пусть приезжает. — Хорошо, мамочка. Я поговорю с ним! — она поцеловала маму и радостно, как в детстве, и пошла собираться на прогулку. Мама пошла в свою комнату одеваться. Она была занята мыслями об этом Джеке. Фантазировать, какой он внешности, какие его манеры. Парень вдвое младше её заинтриговал больше всего. От этих мыслей кружилась голова, но Анна сдерживала себя изо всех сил. Она надела теплый свитер, штаны, тёплую одежду и обувь. Дочь ждала её уже у входа. — Ну, что, мам, пойдём? Что ты такая задумчивая стала, — заметила дочь — Да, нет, всё хорошо. Просто подустала, но свежий воздух придаст немного мне сил! — с улыбкой ответила Анна, скрывая свой интерес к парню дочери. - Пойдём снеговика делать, как в детстве.

— Побежали, мама! – радостно крикнула Лили Девушки засмеялись, и вышли из дома.

Глава 2

Снег в Лондоне был какой-то застенчивый: падал и тут же таял, оседая на дорожках серой мокрой пылью. Но Лили не сдавалась. — Мам, смотри! Он липкий! Из него можно что-то слепить! — она схватила горсть снега, сжала в кулаке, и тот не рассыпался, а остался плотным комком. — Ну же, давай! Хоть маленького! Анна улыбнулась и шагнула ближе, стряхивая с рукава мокрые хлопья. Ветер тут же подsunул под шарф ещё одну порцию холода, но ей вдруг стало тепло просто от того, как Лили светится. Они катали снежные комки, и те разваливались, и они снова собирали их, смеялись, когда снег сыпался за воротник. Лили пыталась сделать снеговика из желудя, но он всё время отваливался. — Он не хочет нос! — хохотала Лили. — Он хочет быть просто шаром! — Тогда пусть будет самым красивым шаром в парке, — сказала Анна, утрамбовывая бока. И вдруг, пока Лили бегала искать что-то для «шапки», Анна на секунду замерла, держа в руках мокрый комок. В голове сама собой всплыла картинка: какой-то парень — не лицо, а просто силуэт. Высокий? Спокойный? Тот, кто не станет смеяться над этим нелепым снеговиком, а встанет рядом и тоже начнёт катать снежные шары... «Наверное, он из тех, кто всё делает основательно, — подумала Анна. — Не торопится. Не кричит. Просто рядом». Она тут же тряхнула головой, будто сбрасывая эту фантазию, и улыбнулась, когда Лили вернулась с какой-то старой крышечкой. — Вот! Это будет его корона! — объявила Лили, пристраивая крышечку на самый верх. — Корона так корона, — рассмеялась Энн, возвращаясь в реальность. — Пусть будет королём парка. В какой-то момент Лили выпрямилась, посмотрела на маму, и её улыбка вдруг стала чуть тише, мягче. — Знаешь, мам, я так рада, что приехала. Тут у тебя тихо, и ты всё такая же... как будто ничего не меняется. Анна замерла с комком снега в руке, а потом просто шагнула вперёд и обняла дочь прямо там, среди мокрых дорожек и падающих хлопьев. — Я тоже рада, — тихо сказала она. — Очень. Снеговик получился кособокий, смешной, с глазами из крышек от бутылок и шарфом из старого Лилиного шкапа. Когда они отступили на шаг, чтобы полюбоваться, Лили взяла Энн под руку. — Пусть он простоит хоть час, — прошептала она. — Хоть час, — улыбнулась Анна. — Иногда этого достаточно. А снег всё падал и таял, и дорожки уже снова темнели от воды. Но пока снеговик стоял, казалось, что и мир держится среди всех репрессии и войн среди холода страны. Через час мама с дочерью пошли домой. Улыбаясь, они смеялись и делились впечатлениями от сегодняшней прогулки. Семья пришла домой. Анна повесила шарф на крючок, и тот сразу потяжелел от влаги. В Лондоне так всегда: даже если снег не лежит, он всё равно успевает всё намочить. Лили уже гремела на кухне чайником, напевала что-то себе под нос, и от этого дома будто становилось теплее. Анна постояла секунду в коридоре, прислушиваясь к этому звуку — к тому, как дочка здесь, рядом, как всё привычно и правильно. И только где-то на краю мысли снова мелькнуло: «А какой он, этот Джейк... Наверное, такой, чтобы ей не было холодно». Но Анна не стала догонять эту мысль. Она просто улыбнулась и пошла на кухню, туда, где пахло чаем и пирожками, туда, где ей сейчас было нужно быть. Лили уже ждала маму за горячим чаем, как в детстве, ей мама готовила горячий чай после прогулки. Пока мама раздевалась, снимала тёплую куртку, сапоги, и шапку. Лили заметила, что мамин взгляд уходит куда-то от ответа. — Мам, я все смотрю на тебя. После моих слов, что я начала встречаться с Джеком. Ты прям потускнела. Мама прошла на кухню, освещённую солнечным лучами, и имеющие свой полумрак. — Да, нет. Просто думаю: у тебя молодость, всё только начинается, а у нас с мужем всё так холодно. Всё так простыло. Может тоже вспомнить былую страсть, а то живём как соседи. — А это хорошая идея, мам! — воскликнула Лили. — Тем более, вспомните былое время и освежитесь! — Да, ты права — подтвердила мама. А сама уже думала: «Какой стыд, я на парня дочери покосилась, молодого тела захотела!» — Мам, давай пить чай, да и посмотрим с тобой что-нибудь. Ведь по телефону такие новости вроде.

Ровно в половину второго дня Анна накрыла на стол — простой ланч: сэндвич с ветчиной, кусочек пастушьего пирога и чашка чая. Лили как раз стягивала промокшую куртку в прихожей, стряхивая с плеч январскую морось, будто хотела оставить холод за порогом. Анна щёлкнула пультом, и телевизор ожил: на экране серьёзный диктор ВВС говорил о шторме «Рейчел», который уже вторые сутки гнал по Британии ледяные дожди и срывал крыши. — Опять полстраны без света, — пробормотала Анна, ставя перед Лили тарелку. — В Истборне два человека погибли изза упавших деревьев. А у нас хоть батареи тёплые, и на том спасибо. Лили присела, растирая замёрзшие пальцы. — Мам, ты опять эти новости слушаешь... Можно хоть за обедом без катастроф? Но Анна не выключила. На экране уже мелькали кадры из Лондона: затопленные улицы у вокзала Ватерлоо, автобусы, еле ползущие сквозь ливень. Потом пошли политические кадры: Дэвид Кэмерон на прессконференции, за ним — графики бюджетных сокращений. — Ну вот, — усмехнулась Анна, впервые за день чуть расслабившись. — Пока мы тут за каждый пенни дерёмся, кто-то миллионы уносит. Мир точно с ума сходит. Лили улыбнулась краешком губ и потянулась за сэндвичем. — Давай тогда хотя бы сегодня не будем про счета, ладно? Расскажи лучше, как миссис Харрис из соседнего дома опять ругалась с почтальоном. Или про кота, который залез на крышу. Что угодно, только не штормы и не бюджеты. Анна вздохнула, но кивнула. Выключать телевизор не стала — пусть бубнит фоном, как привычный шум города. Но голос её стал тише, мягче. — Ладно. Миссис Харрис вчера так орала, что у меня люстра дрожала. А кот... этот рыжий бандит опять спал у меня на свежeweыстиранном полотенце. За окном захлестал снова дождь, Лондон хмурился под серым небом, а на кухне, в тёплом свете лампы, на несколько минут стало чуть спокойнее. Спустя несколько о минут сквозь заволоченное тучами небо, начали проникать слабые лучи солнца. Они говорили, что несмотря на всю серость, ясные моменты всё равно есть. Папа Альфред пришёл домой очень уставший, но на сердце его была радость-приехала его любимая дочка Лили. Дверь скрипнула, и Альфред вошёл — не как хозяин дома, а будто проскользнул, стараясь не шуметь. Пальто мокрое по краям, воротник поднят, с него ещё капала январская морось. Он выглядел так, будто весь день держал на плечах что-то тяжёлое, а теперь просто не знал, куда это положить. — Ты опять без зонта, — буркнула Анна, но в голосе не было злости, только привычная забота, как у человека, который тысячу раз говорил одно и то же и уже не ждёт, что его послушают. Альфред только плечами повёл, стряхивая капли прямо на коврик. И тут из кухни выглянула Лили. На секунду он замер — словно споткнулся о собственный вздох. А потом лицо его будто разгладилось изнутри, будто кто-то тихо повернул выключатель в самой глубине груди. — Лили... — проговорил он, и это вышло не громко, а как-то очень бережно, будто имя было хрупким. — Ну-ка, дай на тебя посмотреть, — он чуть отстранил её, держа за плечи, и улыбнулся — не широкой, показной улыбкой, а той, что появляется, когда напряжение наконец отпускает. В этой улыбке была радость, тихая и глубокая, как свет в тёплом окне посреди тёмной улицы. — Ты так похорошела, доченька моя. Хорошо, что ты приехала. Жаль, что ненадолго, но и то хорошо. Но стоило ему на секунду перевести взгляд на Анну, и тень усталости снова легла на лицо. Не злость, не упрёк — просто тяжесть, которую он носил с собой весь день и которая никуда не делась, даже сейчас, когда сердце радовалось. — На работе опять всё кувырком, — сказал Альфред, скорее чтобы объяснить эту усталость, чем пожаловаться. — Два проекта навалились разом, начальник дышит в затылок... А тут ты приехала, моя принцесса, и сразу как будто дышать легче. Лили улыбнулась и потянула его за рукав: — Пойдём, пап, там пирог. И чай. И вообще... ты просто посиди. Хоть пять минут ничего не решай. Он кивнул, и в этом кивке было столько благодарности, что Анне на мгновение стало неловко — будто она подсмотрела что-то слишком личное. Альфред прошёл в кухню, сел на свой обычный стул, вытянул ноги, будто только сейчас позволил себе поверить, что день наконец закончился. За окном хлестал дождь, город гудел вдалеке, а здесь, в маленькой кухне, стало чуть тише. Не потому, что всё стало хорошо, а потому, что рядом

был тот, ради кого стоило хоть на пять минут перестать быть сильным. Папа помыл руки и сел пить чай и обедать вместе с семьей. Разговор дочери с отцом был таким же как и с матерью - открытым, теплым, без напряжения. После плотного обеда Анна с Лили помыла посуду, Альфред пошёл отдыхать, и все разбрелись по дому в комнаты.

Глава 3

Лили упала на свою кровать, она хотела поспать ещё после такой дороги. Лили лежала на своей большой кровати, с бархатными простынями. Комната была обвешана маленькими картинами, фотографиями группы Queen. И многих других певцов. Лили вспоминала, лежа на своей кровати, как в подростковом возрасте ходила на разные тусовки в Лондоне с матерью, как ссорилась в родителями в свое время, но быстро мирились. Как впервые влюбилась... Ахх, было весело прошлым. Если бы можно было вернуться назад... Мама с папой сидели в своей спальне. Папа читал лежа газету, мама - книгу, но думала всё о парне Лили. Эти слова прям заделли её. Но, опомнившись, Анна предложила Альфреду: — Милый, тут такое дело, наша девочка уже начала встречаться, у неё молодость..., и я бы хотела вспомнить нашу страницу молодости, как раньше. — Милая, столько лет прошлого, ты права, но с парнем дочери я бы тоже хотел познакомиться. — и выдержал секунду паузу, продолжил: — Нам бы тоже не помешало бы провести время вместе. Давай сходим в наше любимое кафе, если его не закрыли ещё. Я закажу столик, ты же знаешь, я всё устрою!

Анна, на время забылась, и мысли о парне Лили ушли. Она снова стала смотреть на мужа прежними девичьими глазами, что и раньше в молодости. Через пять минут Альфред подошёл к Анне: — Милая, нам повезло. Я заказал столик, к шести часам вечера, как и обещал. Встречаемся половину шестого, пораньше. Я подготовил нам с тобой вечер. — Ммм... Альфред, ты так внимателен. Помнишь что сегодня за день, кстати? — День нашей с тобой встречи - семнадцатое января. Двадцать пять лет назад, в девяностом году двадцатого века, мы с тобой познакомились. Помню, моя дорогая. — Как же это всю эту память съел быт. — Ну вот, милая, вспомнил, как в молодости. А теперь собирайся, надевай самое лучшее платье, и мы пойдём отдохнём — от предложил свою руку, и Анна взяла кистью его локоть, второй обняла спереди. Альфред взял свою жену и закружил её в танце. Так он был галантен и статен для своего пятидесятилетнего возраста. А жене было сорок восемь лет, но на свой возраст никто не выглядел. — Хорошо, пойдём потихоньку тогда готовиться!» - женщина была заинтригована уже. — Но сначала, дорогая, мы с тобой погуляем, помнишь, как раньше, в парке или в театре посмотрим твой любимый спектакль! Анна уже и забыла, когда она ходила на свидания. Она быстро пошла одеваться. Анна долго стояла перед шкафом, перебирая вещи, пока не остановилась на платье с мелким геометрическим узором в бежевосерой гамме: оно казалось ей одновременно современным и не слишком броским. Сверху она накинула жакет из мягкой шерсти — он был любимым, потому что в нём она чувствовала себя собранной. Серьги с крошечными жемчужинами она надела, потому что они напоминали ей о дне свадьбы. В этом жесте было что-то упрямое: она хотела, чтобы он заметил, что она старалась. Альфред одел тот самый костюм, в котором он ходил на деловые ужины: тёмносерый, проверенный, удобный. Он не стал менять стиль ради годовщины: для него суть была не в наряде, а в том, что они сидят друг напротив друга. Галстук он выбрал нейтральный, в мелкую полоску, и затянул его ровно настолько, чтобы не чувствовать себя стеснённым. В его движениях не было суеты: он пришёл не впечатлять, а быть рядом. В четыре часа вечера пара старых молодожёнов вышла из дому и пошла прогуляться в парк около реки Темзы. Сырой влажный воздух атлантического океана наполнял легкие, но теплая дождливая зима выдалась в этом году, что можно было простудиться. Был колотун, но тёплый, температура колола, но выходила прохладой. Пара тепло, но со Вкусом оделась на вечернюю прогулку. Анна и Альфред около часа гуляли на свежем воздухе. Катались на аттракционах, на пони. Когда Альфред посмотрел на часы он сказал:

— Пора, милая, нам с тобой в наше кафе! Дама слезла с лошади, муж помог ей, и они спокойно пошли к половине шестого в их любимый ресторанчик, который всё ещё работал спустя столько лет. Альфред открыл дверь в ресторан и придержал, что его королева вошла. Она, сме-

ясь и придерживая пальцами тёплую куртку, и вошла в теплое место. Муж Анны пошёл следом за ней. Там пахло кофе, таким горьким и чем-то приторно сладким. Новый бариста новые ребята, но атмосфера сохранилась на долгие годы. Пара вошла и вдохнула этот запах. Они вспомнили свою молодость, как познакомились как муж пригласил свою будущую жену в это кафе, как здесь сделал предложение. Да, много что остыло за это время. Анна провела пальцем по щербинке на краю чашки. Точно такая же щербинка была у той самой старой кружки, которую они купили на ярмарке, когда только познакомились.

— Знаешь, здесь до сих пор пахнет одинаково, — тихо сказала она. — Корицей и дождём. Альфред чуть улыбнулся, наклонил голову: — Раньше я думал, что это просто булочки с корицей. А теперь думаю, что это запах наших воспоминаний. Пауза легла между ними не тяжёлой, а почти уютной. Он осторожно взял её руку — не крепко, будто проверяя, можно ли ещё так делать. — Мы тогда были так уверены, что всё будет просто, — сказал он. Анна чуть кивнула: — Просто — не значит хорошо. У нас было хорошо. И тут она вздрогнула: мимо столика прошёл мужчина, очень похожий на кого-то из её прошлого. Альфред заметил. — Ты его знаешь? — тихо спросил он. — Не то чтобы... — Анна нахмурилась. — Просто на секунду показалось, что я вижу тень кого-то, кого давно знала, но не встречала. Человека из прошлого. — Не обращай внимания, милая, — успокоил муж жену. — Это уже давно прошлое. Анна давай с тобой закажем по чашечке кофе и наших любимых печенюшек с шоколадом. — Давай, милый, отвлекись хотя бы, — ответила Анна. Она положила кокетливо свою ладонь на ладонь мужа. Альфред свою положил на левую жены. ни посмотрели томно в глаза друг другу. В этом взгляде не было ни «прости», ни «давай начнём заново». В нём было: «Ты всё ещё чувствуешь? И я всё ещё чувствую». — Ты не имеешь права так делать, — хрипловато сказал он, и в голосе не было злости, только напряжение, натянутое, как струна. — Не после всех этих лет. — А я не спрашивала разрешения, — выдохнула Анна, не отводя взгляда. — Я просто... устала делать вид, что ничего не помню. Он чуть наклонился вперёд, так что между ними осталось совсем мало воздуха. — Что именно ты помнишь? — тихо спросил он. — Только честно. Не про «как мы пили кофе по утрам». Про то, от чего сердце колотилось так, что казалось, разорвётся. Анна сглотнула. Её пальцы под его ладонью чуть дрожали, но она не убирала руку.

— Помню, как ты смотрел на меня, когда думал, что я не вижу. Как будто я была самой важной вещью в этом городе. И помню, как мне становилось страшно, потому что казалось: я этого не заслуживаю. Альфред чуть сжал её руку своими пальцами — Ты заслуживала. И, до сих пор, заслуживаешь, — сказал он твёрдо. — И если ты сейчас уберёшь руку, я не стану тебя останавливать. Но если оставишь — я не отпущу. И она оставила. Тишина вокруг них стала другой. Не тяжёлой, а густой, наполненной тем, что наконец-то прорвалось наружу. Где-то за соседним столиком кто-то рассмеялся, официант звякнул подносом, но для них это всё было где-то очень далеко. Здесь, под светом лампы, было только это прикосновение и эти глаза напротив — те самые, в которых она столько лет пыталась найти огонь. Целый вечер до окончания работы в кафе пара провела время. А после закрытия пошла гулять по полуночному зимнему Лондону. Вспоминать былую страсть, как двадцать четыре года назад. Анна и Альфред пришли под раннее утро, тихо, как дети, на цыпочках прошли по коридору и с легкими смешками отправились в спальню.

Глава 4

На календаре январская суббота, две тысячи пятнадцатый год. В доме звенящая тишина, только где-то в коридоре тихо цокают когти кота, да настенные часы мерно тикают, будто специально подчёркивают, что в этом доме сейчас вообще никого нет. Лили просыпается ровно в шесть, по привычке, как в будни после лекций. Потягивается, щурится на полоску света, пробивающуюся сквозь шторы, и первым делом тянется к телефону на тумбочке — обычный сенсорный смартфон, экран привычно вспыхивает. Три уведомления: два от Насти, одно от Джека. Настя: — Ладно, если спишь — не обижусь. Но если проснёшься, напиши. У меня тут новости, которые нельзя в личку, только лицом к лицу! Джек: — Если ты дома и не занята, могу заехать, покажу одну улицу, где фонари как в старом кино. Или просто кофе. Или вообще ничего, просто посидим. Лили улыбается. Ей нравится эта их манера: Настя всегда с энергией, будто заряжает телефон просто своим сообщением, а Джек — спокойный, без суеты, будто знает, что тишина тоже бывает нужна, и не считает её неловкой. Она садится на кровати, обнимает подушку и отвечает сначала Насте: — Проснулась. Дом пустой, тишина звенящая, даже кот выглядит подозрительно спокойным. Кофе звучит как спасение. Где встречаемся? Потом Джеку:

— Спасибо, что написал. С Настей сейчас на кофе, но если потом захочешь просто пройти — я за. Тут так тихо, что даже мысли слышно» - и на конце стоял улыбающийся во всю мордашку смайлик. Пока она ждёт ответа, встаёт, накидывает тёплый кардиган — в лондонском доме в январе даже днём прохладно, а к вечеру тем более. Проходит по коридору, гладит кота, который трётся о ногу, наливает себе стакан воды и смотрит в окно: на улице уже зажигаются фонари, город потихоньку надевает вечерний наряд. Через минуту приходит ответ от Насти:

— Ура! Я уже у кофейни на углу. Приходи, я закажу тебе твой любимый, даже если ты опять скажешь, что сегодня на диете. И от Джека:

— Хорошо. Если устанешь от новостей и болтовни — напиши. Можем просто постоять у реки и смотреть, как огни отражаются в воде. Без спешки. Лили чувствует, как внутри будто чуть-чуть отпускает. Дом тихий, родители где-то гуляют, но она не одна — просто у каждого своя суббота. Она берёт ключи, оглядывается на пустую гостиную, улыбается своим мыслям и тихо закрывает за собой дверь. Тут ей приходит идея :

— А давай я им напишу, чтобы мы все втроём встретились в Лондоне пока поезда ходят. Тогда и поболтаем в живом общении! — она писала сначала Насте:

— Насть, приезжай ко мне в Лондон, в парке у кофейни. Сейчас и Джека позову! И через минуту пришёл ответ:

— Уже еду, Жди, подруга! Лили обрадовалась, и позвонила Джеку: — Джек, мы с Настей тебя к себе в Лондоне ждем, у кофейни, придёшь? — Да, жди, через пятнадцать минут приеду на машине! И Лили, радостная, бежит по ступеням из родительской квартиры. Она уже предположила, что будет со своим парнем, пить кофе, смеяться вместе. Они втроём весело проведут время. Через полчаса Настя, Лили и Джек оказались в маленькой кофейне: деревянные столы, запах корицы, за окном моросит дождь. Настя рассказывает какую-то историю с учёбы, размахивает руками, и Джек смеётся — громко, искренне, чуть запрокинув голову. Лили улыбается вместе со всеми, но внутри у неё что-то сжимается: она привыкла, что этот смех — для неё, а сейчас он будто принадлежит не ей. Настя делает глоток и говорит:

— Лили, ты бы видела лицо профессора, когда я перепутала термины! Джек чуть со стула не свалился. Лили кивает:

— Да, у тебя талант превращать экзамен в стендап».

И старается, чтобы голос звучал легко. Но когда Джек на секунду встречается с ней взглядом, она быстро отводит глаза, будто рассматривает узор на кружке. Джек это считает. Чуть наклоняется к ней и тихо, только для неё:

— Но твои истории я люблю больше. Просто она сегодня слишком уморительная.

Лили не поднимает глаз, но уголки губ чуть дрожат:

— Не лсти. Я сегодня вообще ничего смешного не рассказала. — Он кладёт ладонь поверх её пальцев на столе — лёгкое касание, без пафоса: — Ты смешная по-другому. — И Лили наконец смотрит на него, и напряжение тает, как сахар в горячем кофе. Разговор увеселил компанию, и трое вышли из кафе, оставив чаевые. Джек держал за руку Лили, Настя была позади, но смотрела на них грустным взглядом. Настя идёт следом за Лили и Джеком — не вплотную, чуть позади, будто ей нужно это расстояние, чтобы просто смотреть и не мешать. Они только из кафе: в воздухе ещё держится запах тёплого хлеба и кофе, а на улице уже тянет вечерней сыростью — лондонский воздух будто оседает на плечах. Лили смеётся над какойто пустяковой шуткой Джека, подтягивает шарф, и он тут же поправляет его, не задумываясь, просто потому что рядом. Они идут, чуть задевая друг друга локтями, как будто это самый естественный жест на свете — быть близко и не бояться этой близости. Настя смотрит на это и вдруг ловит себя на том, что задерживает шаг. Перед глазами на секунду встаёт другая прогулка: та же улица, похожий вечер, только тогда она шла рядом с другим человеком, и каждый их шаг будто отталкивал их друг от друга. Он шёл быстро, не подстраиваясь, а она старалась не отставать и при этом не просить: «Подожди». Тогда ей казалось, что спешка — это про дела, про занятость, про то, что день выдался тяжёлый. Только потом, когда всё закончилось, она поняла: он просто не хотел замедлиться ради неё. Сейчас Лили и Джек останавливаются у витрины, разглядывают что-то, смеются. И в этой остановке столько покоя — будто у них впереди весь вечер и нет никакой необходимости куда-то мчаться. Настя глубоко вдыхает прохладный воздух, и внутри становится тихо. Не пусто, а именно тихо — как бывает, когда отпускаешь старую обиду, не потому что забыла, а потому что теперь видишь разницу: вот как бывает, когда человек по-настоящему рядом. Она делает ещё пару шагов, догоняет их, улыбается, когда Лили оборачивается и машет ей: — Настя, смотри! — и в этот момент ей не хочется вспоминать прошлое. Хочется просто сказать: «Да, вижу. Это красиво». — Ты такая грустная стала, Настя, что случилось? — способна Лили подругу. — Вы такие счастливые, — начала Настя. — А я, вспоминая своего мужа, что недавно разбился, не могу себя представить на твоём месте, Лили. Мне больно смотреть! — А что с ним случилось? Мы как-то не спрашивали у тебя о твоей судьбе, — осторожно поинтересовалась Лили. Она услышала жёсткие слова от подруги, с которой проучилась столько лет вместе.

Настя заплакала, от боли воспоминаний ей сжимало внутри, и еле успокоившись Настя вкратце рассказала, что случилось с её супругом. — В восемнадцать лет я и Томас расписались. Мать моя по началу не одобрила наш союз, но месяц спустя поняла, что это бестолку, отпустила. Мы прожили с ним три года, три счастливых года! — тут она разревелась. Лили с Джеком начали гладить и успокаивать. Это продолжалось около минуты. И снова чуть успокоившись, продолжила:

— В тот роковой день он ночью поехал на мотоцикле и... Я не знаю, что случилось. Поздняя осень, ноябрь, новости... сам мотоцикл... тело Томаса лежало, всё окровавленное на дороге... — Тут она пуще разревелась, — Бедная, а ещё учишься. Ты такая сильная, — подержал её Джек. — Как тебе удаётся это скрывать? Настя ничего не говорила, воспоминания давили её ещё сильнее, и уже чувствовалось что нет возможности дышать, она вдохнула очень сильно, как будто задыхалась. И выдохнула. Стало легче, но ещё лила слёзы. И вроде Настя успокоилась, ком с горла немного ушёл, но боль воспоминаний осталась. — Просто многие не выслушали бы, кто-то не понял бы. Да, кто-то начал бы жалеть, кто-то руками всплескивал. Я вам открылась, чтобы чуть исцелиться от боли, что храню внутри». И тут пара поняла, что

когда человек очень весёлый, это не значит, что реально весельчак, значит его больше угнетен или обижен, или много горя испытывал, и чтобы не показывать свою боль, он становится излишне веселым. А этой улыбкой скрывается невыносимая боль.

Глава 5

Друзья начали расходиться по домам. Было уже десять вечера. Лондон к восьми вечера уже сидел в темноте и сырости. Снег не шёл, но воздух был такой, будто вот-вот пойдёт: тяжёлый, серый, пробирающий до костей. По тротуарам неслись люди в шарфах, пряча носы в воротники, автобусы шипели тормозами, а витрины светили слишком ярко, будто пытались перекрыть эту зиму. Лили пошла к себе домой, Настя на вокзал, на последнюю электричку, а Джек поехал на своей машине к себе. Настя ехала в электричке в свой пригород и смотрела, как за окном мелькают огни, сливаясь в одну длинную полосу. Три месяца. Или уже четыре? Она не считала специально, но цифры сами всплывали в голове каждый раз, когда становилось тихо. В такие минуты тишина казалась предательски громкой. В кармане завибрировал телефон. Чат. Лили создала чат поддержки Насти, где прислала смешную картинку с котиком и подпись: «Этот кот — это я сегодня. Упала с лестницы, никто не заметил. Зато я заметила». И прислала улыбающийся смайлик. Следом Джек: «Вы дома, девочки уже? У меня тут сэндвич пытался сбежать с тарелки. Я победил». И прислал смешное фото, где сэндвич был на столе. Настя улыбнулась. Не широко, не до слёз радости, а так — уголком губ, будто проверяла, работает ли эта мышца. И пальцы сами потянулись к экрану. «Я дома. Почти. Ещё две остановки», — написала она. Лили тут же ответила: «Не торопись. Если хочешь, можем просто про котиков. Или вообще ни про что. Или ты хочешь про что-то важное?» Джек добавил: «Или можем про сэндвич. Это тоже важно». И вот в этом «ни про что» было самое главное. Никто не требовал от неё рассказа, никто не лез с советами. Просто они были тут. Рядом. Даже если между ними лежали километры лондонских улиц. Но они пытались поддержать Настю, пытались чтобы она слегка отпустила свое горе, ведь жизнь продолжается. Электричка остановилась. Настя встала, плотнее закуталась в пальто. На платформе пахло мокрым железом и кофе из ларька. Она написала: «Спасибо. Милые, вам высказалась и мне легче. Сейчас лучше просто постараться эту боль прожить». «Ок», — быстро ответила Лили. — «Тогда слушай: у меня сегодня шарф запутался в зонте. Это была настоящая драма. Я думала, мы не выживем». Джек: «Я верю. С зонтами вообще нельзя шутить».

Настя шла по тёмной улице к дому, и холод уже не казался таким пронзительным. Ветер толкал в спину, но она не спешила. В груди всё ещё было тяжело, как будто она носила там камень, который пока нельзя было положить. Но теперь она знала: если станет совсем невыносимо, ей есть кому написать. У подъезда она остановилась, подняла голову. Над городом висела мутная луна, а фонари светили жёлтым, почти тёплым светом. Она достала ключи, а потом, будто спохватившись, быстро напечатала: «Я тут. Дома. И... я пока ещё хочу побыть одна. Может, год. Может, пять. Не знаю. Но спасибо, что вы не давите». Ответ пришёл почти сразу. Лили: «Год. Пять. Хоть десять. Мы тут. А если захочешь просто про котиков — я первая». Джек: «А если про сэндвич — я тут». Настя закрыла дверь за собой. В квартире было тихо и прохладно. Она сняла пальто, поставила чайник. И впервые за долгое время эта тишина не казалась ей враждебной. Она была просто тишиной. Своей. Побыв немного в тишине, она в чат написала своим друзьям: «Спасибо, милые за поддержку. Но, как бы я не флиртowała с кем-либо, я побуду одна какое-то время. Мне надо отпустить человека». И Лили поддержала подругу: «Насть, моя дорогая. Держись. Если бы попала в такую ситуацию, я бы знала как тебя поддержать полностью. Мы рядом, это только могу тебе сказать!». — Мы рядом, постараемся тебя поддержать, чем можем, — ответил Джек. — Ладно, ребят, давайте ложиться, а то поздно. И пары повторять надо! — пишет Настя. — Ой, а я вообще не учила, мне всю ночь придётся смотреть что там с конспектами. Хотя и не так много задали, — печатала Лили и поставив взволнованный смайлик. — Мы тогда пошли спать, Лили, — прям вдвоём отправили Джек и Настя сообщение в чате. Лили выключила и отложила телефон. Заглянула в сумку что с собой

привезла, взяла пару тетрадей. Минут пятнадцать она потратила на читку, и час на выучить. И к двенадцати ночи заснула. Столько всего. В доме была тишина и уют. Ходики тикали, но атмосфера вызывала спокойствие. Родители ещё гуляли, вспоминали свою молодость. Лили всё читала свои лекции. В конце читки второй тетради, Лили погрузилась в глубокий сон. Она проспала долго, что даже, как ближе к утру пришли родители. Настя после того, как пришла домой, написала, и стала у себя отдыхать. Поставила чайник, заварила чай. Сев на стол у себя на кухне, где было вроде и уютно, но так холодно. Она заплакала от жгучей боли памяти внутри. Любовь, к погибшему сковала все тело, что не чем было дышать, она помнила, его, своего мужа, но тот день поменял всё. Зачем он туда поехал. Время уже говорила о поздней ночи. Выпив, она пошла в свою комнату готовиться ко сну. Настя села на край кровати, пальцы сами потянулись к коробке с бисером. Она уже знала: если начать перебирать, если найти нужный оттенок, если прикинуть, какого цвета сделать ушки этому кролику, — на пять минут станет легче. Пять минут, когда не надо думать, что в шкафу висит его куртка, которую она так и не решилась убрать. Она высыпала бисер на стол, и он рассыпался мелкой радугой, звякнул о стекло. Кролик получался какой-то нелепый, одно ухо светлее другого. «Неважно, — шептала она себе, — неважно». Главное — руки заняты. Главное — не смотреть в темноту за окном, где лондонский дождь превращал фонари в размытые пятна. Когда глаза начали слипаться, она даже обрадовалась. Сон казался единственным местом, где можно просто перестать стараться. Настя погрузилась в глубокий но очень поверхностный сон, что модно было слышать каждый шорох в комнате. И он пришёл. Не как воспоминание, не как добрый призрак из красивых фильмов. Он стоял в дверях её спальни, такой, каким она видела его в тот последний день: уставший, с тенью щетины, будто он и наяву не успел толком выспаться. И смотрел на неё так, что у Насти внутри всё сжалось не от счастья, а от страха. Но девушка попыталась себя успокоить. Его увидеть хоть жале во сне было небольшой радостью за очень опасной гранью. — Ты так погибнешь, — сказал он тихо, почти спокойно, как будто они обсуждали, закрыть ли окно. Она хотела закричать, хотела проснуться, но тело не слушалось. — Я не хочу без тебя, — прошептала она, и голос сорвался. Прерывисто Настя пыталась объяснить: — Я... я... я пыталась дальше жить без тебя, но... не могу. — Он шагнул ближе, но не к ней. Он будто стоял между ней и чем-то тёмным, что шевелилось за её спиной. — Отпусти меня, — повторил он. — Иначе ты пойдёшь за мной. Не сейчас. Не завтра. Но однажды ты просто перестанешь хотеть возвращаться. Ты будешь жить, как этот кролик из бисера: по частям, по цветам, по ушам. А сердце будет всё тише. И однажды остановится! Живи, пока тебе жизнь дана. Я буду рядом! Настя проснулась резко, будто её толкнули. В комнате было тихо, только дождь стучал по стеклу, как кто-то нетерпеливый, кто хочет войти. Она прижала ладони к лицу, чувствуя, что они мокрые.

— Он защищал меня даже там, — подумала она, и эта мысль обожгла сильнее любой боли. Она встала, подошла к шкафу, открыла дверцу. Куртка пахла дождём и старым одеколоном. Настя провела рукой по ткани, как будто прощалась не с вещью, а с привычкой держаться. — Прости, — сказала она тихо, не зная, слышит ли он здесь и сейчас или только во сне. — Я буду скучать. И раз ты сказал живи, я постараюсь жить. Жить столько, сколько нужно тут. Настя сняла куртку с полки, что столько месяцев висела после гибели, аккуратно упаковала её в пакет и положила на дальнюю полку, как знак, что она хочет отпустить своего человека — своего мужа, пусть даже и потихоньку. За окном Лондон продолжал спать под дождём. А внутри у Насти впервые за долгое время стало не пусто — стало тихо и спокойно. И впервые за столько времени, она уснула спокойно без выходов из тела. И снова он пришёл к ней. Такой светлый, весёлый. Он подошёл к ней, обнял, и ушёл спокойно, сказав, что будет с ней рядом. И она спустя время сможет его отпустить и будет все ещё счастлива. Настя была спокойна, она смотрела уже без страха. «Смогу, значит смогу. Но за тобой в любое время пойду. Ведь с моей любовью какая есть, я могу и уйти вслед за тобой в любое время!». "Опасная любовь всегда

убивает! - ответил он ей перед уходом. - Чем больше ты думаешь о смерти, тем сильнее тускнеешь и сойти с пути жизни становится реальней и быстрее, чем ты думаешь, милая. реально. А Мне этого не надо. Ты должна жить. Твоё время ещё не пришло!» И он растворился во мраке. Ровно двенадцать ночи Настя заснула с маленькой легкостью на душе. Пока все это происходило с девочками, Джек приехал на своей машине. Было уже одиннадцать часов вечера. Он написал своей девушке Лили что, приехал и готовится ко сну. Придя домой, он снял с себя одежду, сапоги. Заварил чай, и сел на шикарный дорогой диван, пока смотрит кино, и написал Лили. Но не дождавшись ответа от Лили

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.